

Покатилова Надежда Володаровна

ТРАНСФОРМАЦИЯ МАЛЫХ ЖАНРОВ ФОЛЬКЛОРА В ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматриваются пути трансформации малых жанров фольклора в ранней литературе. Анализируются в этой связи тексты первого якутского поэта А. Е. Кулаковского. С самого начала малые жанры включаются в его тексты по принципу цитации чужой речи. При этом в них начинает теряться коммуникативная направленность, актуализация речевого плана настоящего. На смену ей приходит поэтическая функция, связанная с использованием скрытого в них мифологического смысла.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 48-50. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE IMAGE OF THE READER (LISTENER) IN K. V. IVANOV'S POEM "NARSPI"

Osipov Nikolai Nikolaevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev
nikolay.osipov.1978@mail.ru

In the article the genre peculiarities, speech patterns, ideological originality and plot-compositional structure of the inner world of K. V. Ivanov's poem "Narspi" are analyzed. The typological characteristics of comic and tragic living conditions of the inhabitants of Silba and Hushalga are given. On the basis of the conducted analysis the author identifies that the listener (the reader, the spectator) is in inside the work (the poem). It is shown that K. V. Ivanov gives the plot word to the narrator, who sees with his own eyes the listener (the reader) in front of him.

Key words and phrases: reader; listener; image; spoken language; poem; narrator; irony; tragedy; plotline.

УДК 821.512.157

В статье рассматриваются пути трансформации малых жанров фольклора в ранней литературе. Анализируются в этой связи тексты первого якутского поэта А. Е. Кулаковского. С самого начала малые жанры включаются в его тексты по принципу цитации чужой речи. При этом в них начинает теряться коммуникативная направленность, актуализация речевого плана настоящего. На смену ей приходит поэтическая функция, связанная с использованием скрытого в них мифологического смысла.

Ключевые слова и фразы: устная традиция; письменная традиция; ранняя литература; малые жанры фольклора; трансформация фольклорных жанров в литературе; диахронические изменения; поэтическая функция.

Покатилова Надежда Володаровна, д. филол. н., профессор
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
pnv_yusu@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МАЛЫХ ЖАНРОВ ФОЛЬКЛОРА В ЛИТЕРАТУРЕ

Одна из типологических особенностей «младописьменных» литератур, не имевших предшествующего опыта формирования книжных традиций, в том, что в их генезисе взаимодействие с автохтонной устной традицией приобретает определяющее значение. В этом случае различного рода модификации существующей системы фольклорных жанров становятся сопутствующим условием формирования таких литератур.

Интенсивные изменения фольклорных жанров характеризуют уже наиболее ранний этап формирования якутской «младописьменной» литературы начала XX века. Первым якутским поэтом А. Е. Кулаковским была предпринята широкомасштабная по своему охвату попытка представить своего рода энциклопедию жанров устной традиции. Преимущественное внимание при этом уделялось архаическим жанрам, так как в задачи поэта входило сознательное восполнение того, что было утрачено в эпоху «господства» эпоса. Этим, по всей видимости, объясняется устойчивый интерес поэта к неэпическим жанрам фольклора: заклинательным, песенным и малым жанрам. Среди них именно малые жанры фольклора имели особое значение как свидетельства языковой и культурной памяти традиции. С самого начала в творчестве А. Е. Кулаковского отмечается частотность использования паремий, загадок и других «малых» жанров. Более того, литературные модификации некоторых малых жанров фольклора (в особенности – *чабыргэх*) стали своеобразным прецедентом для последующей якутской литературы. Однако до сих пор специально не рассматривались трансформации малых жанров фольклора в ранней литературе.

К вопросу о специфике малых жанров фольклора. Творчество первого якутского поэта демонстрирует нам особое отношение к так называемым «малым жанрам» фольклора, что связано в первую очередь с их спецификой. В. В. Иванов считает, что «такие относительно короткие тексты, как пословицы, поговорки, загадки, одновременно создаются по законам каждого из этих жанров, память которых чрезвычайно глубока, и передаются по наследству как часть общеязыкового запаса речений». Тем самым следует выделить в них, с одной стороны, «творческие правила порождения текста», а с другой – «почти неизменную передачу из поколения в поколение» [1, с. 324].

Специфичность малых жанров фольклора отмечается исследователями разных традиций [2; 5; 6, с. 77-93; 7, с. 265-267]. На материале древнегерманской словесности О. А. Смирницкая отмечает двойственную природу малых жанров этой традиции, связанную с одновременной ориентацией на актуальную речевую ситуацию и на глубинный мифологический смысл. С одной стороны, по отношению к малым жанрам следует говорить об их не только тесной связи с языком, но и изначальной укорененности в языке, поскольку коммуникативный тип наследуется вместе с языком и направлен на актуальную ситуацию говорения, произнесения слова (текста). С другой стороны, именно в малых жанрах в силу их «короткого» объема особую значимость приобретает (мифо)ритуальная и магическая природа слова в них, что находит выражение в семантической выделенности такого типа слова. Как следствие этого, показателем структурной организации малых жанров становится отмеченность концовки и всей синтаксической конструкции, что имеет как композиционную, так и коммуникативную направленность [7, с. 265].

Сохранение двойственной природы и порождающих механизмов жанра во многом объясняет причину обращения только что формирующейся письменной литературы к малым формам фольклора. Применительно к якутской традиции к «малым» по своему объему жанрам относятся паремии (поговорки и пословицы), особый тип скороговорки – чабыргах – и его разновидности, загадки, различного рода формульные речения типа «культовых речений» (алгысные слова), разного рода перифразы и гномические изречения дидактического плана.

Пути трансформации в литературе малых жанров. Характерно, что малые формы (формульные выражения, фрагменты культовой речи, паремии) включаются в разные в жанровом отношении тексты А. Е. Кулаковского по принципу цитации «чужой» речи. Освоение традиционных малых жанров идет вначале на уровне «речи героев» («Песня столетней старухи», 1906; «Скупой богач», 1907; «Проклятый до рождения», 1908), затем намечается в плоскости авторского слова, насколько это возможно в речи повествователя в жанре поэмы (поэмы «Клятва Абаасы», 1908; «Сон шамана», 1910; «Наступление лета», 1925).

Общая тенденция использования малых жанров может быть определена как движение от иронического обыгрывания паремий (поговорок и пословиц) до их кардинального переосмысления в плоскости высокой культовой и/или формульной речи, характерного почти для всех указанных поэм первого поэта. При этом почти полностью исчезает во включенных в текст малых формах их коммуникативная направленность, актуализация речевого плана настоящего, сиюминутности происходящего. При такой модификации начинает изменяться, например, временной план паремий: от настоящего, актуального речевого членения к обобщенному, «надтекстовому» смыслу. Тем самым в рамках литературного текста зачастую начинает срабатывать скрытый мифологический смысл малых жанров, появляется некий над-временной план. Принадлежность к «высокой» (культовой) речи сохраняют не только формульные выражения, но и различного рода паремии, в том числе, например, поговорка, изначально связанная с временным планом настоящего.

Создаваемый литературный текст начинает отличаться полигенетичностью происхождения. При этом на первый план начинает выдвигаться не коммуникативная, а поэтическая функция, порой выражаемая через окказиональное употребление «старого» жанрового арсенала. К числу последнего относятся разного рода устойчивые формульные выражения, определяющие ту или иную жанровую форму в традиции. Именно они становятся своего рода опознавательными знаками жанра в системе новой литературной целостности. Однако их принадлежность тому или иному жанру традиции начинает стираться, растворяется в общем формульном контексте, становясь принадлежностью всего формульного поэтического языка устной традиции.

Среди литературных имитаций фольклорных жанров в творчестве А. Е. Кулаковского выделяются два произведения – «Чабыргах» (1912) и «Узнал-Увидел» (1924?), – представляющих собой литературные модификации архаичного, но достаточно распространенного жанра *чабыргах* и его внутрижанровой разновидности – *бильбит-кербют* («узнал-увидел»). Обе разновидности исполнялись в убыстренном темпе, поэтому часто обозначались как «скороговорки». Однако сам А. Е. Кулаковский [4, с. 289] и последующая исследовательская традиция (Г. У. Эргис) [8] отмечали автохтонность и архаичность этого жанра, кроме темпа произнесения, не имеющего ничего общего с русской скороговоркой. Жанр чабыргаха полностью «говорной», не связан с напевом, имеет стихотворную природу. Метрической единицей является короткий стих в два, реже – в три слова. Аллитерация в строках не упорядочена и нерегулярна, чаще всего аллитерационный повтор заменяется звуковыми повторами и соответствиями ассонантного типа, грамматическими единицами типа парных (*этэбэ-тэтэбэ*) и/или звукоподражательных слов (*чуо-чуо чолбон*).

При использовании малых жанров в литературном тексте на первый план начинает выдвигаться их инвариантная целостность. Такой тип переосмысления жанра характерен для произведения Кулаковского «Чабыргах» (1912). В его основе – структурирование целостности стиха и текста в целом. Основным показателем жанровой принадлежности текста становится его метрическая организация. Кулаковский в своем произведении сохраняет архаическую черту жанру – закрепленный за ним размер. Как и фольклорный чабыргах, произведение строится на чередовании словосочетаний (в два, реже – в три слова) и «одиночных» слов, слоговые объемы которых совпадают. При этом поэту удается достичь предельной ритмической и смысловой насыщенности, несмотря на ограниченность пространства текста. Создается она за счет продуманного лексического наполнения традиционной слоговой схемы чабыргаха (2 + 2 слога), а также за счет использования вариации указанной схемы связанным, «несвободным» словосочетанием (по А. Н. Кононову) [3, с. 221], имеющим слоговую структуру (2 + 2*). Семантическим наполнением стиха такого строения (2 + 2*) является словосочетание, представляющее в традиции неразрывное целое, иногда формульно или аллитерационно и/или ассонантно связанное (*оллур-боллур; экир-букур; этэбэ-тэтэбэ*). Неразрывность такого типа словосочетания (по принципу 2 + 2*) часто усиливается антонимическим противопоставлением (*илин-арбаа; итии-тымны*), градацией синонимического плана (*бары-кэли, холбон-илбэн; уоруу-котуу*), что иногда ведет к появлению окказиональных новообразований, не характерных для традиции (типа *мичил-кэскил «улыбка-будущее», в значении – «счастье»*). Таким образом, заимствуя модель архаического чабыргаха с его классическим «коротким стихом» и развивая его отдельные тенденции, Кулаковский создает новую литературную модификацию жанра, что позволяет, наравне со старым формульным наполнением, вводить новые семантические пласты, неизвестные фольклору. Именно этот модификационный процесс нашел отражение в одномименном произведении А. Е. Кулаковского, представляющем собой актуализацию автором способа метрического и грамматического развертывания жанра как текста.

В задачи поэтического переосмысления Кулаковским [4, с. 289-290] жанровой традиции чабыргаха входило: 1) воссоздание литературными средствами наиболее архаичного состояния этого жанра; 2) восполнение инвариантной полноты жанра, какую не найдешь ни в одном из имеющихся вариантов фольклорного текста.

Другое произведение Кулаковского дает нам пример иного типа преломления малого жанра. Одна из жанровых разновидностей чабыргаха – «бильбит-корбут» («узнал-увидел») – традиционно строилась на ступенчатом развертывании формул «видения» / «слышания» («Ничего лучше не видел», «Ничего не слышал»), приводящих к конечному, символическому «знанию». В отличие от классического чабыргаха, в этой разновидности жанра уже намечается «первоначальная форма» высказывания.

Формулы «видения» / «слышания» / «узнавания» в тексте поэта чередуются по тому же принципу градиционного нарастания, что и в традиционной жанровой модели, однако при этом кардинально меняется семантическое наполнение формул. Помимо традиционного «видения-узнавания», возникают тавтологические повторы одних и тех же глаголов («стараюсь», «не вижу», «не нахожу» – по 2 раза), появляются глаголы субъективно-оценочного плана («не думаю», «не смогу»), вводятся глаголы-русизмы (*сыаналыбын* – «оцениваю», *быыбардыбын* – «выбираю»), что в целом ведет к акцентированию субъекта речи, что не было свойственно устной традиции.

В отличие от традиционного чабыргаха, рассматриваемая жанровая разновидность уже в устной традиции имела форму не *короткого стиха* в два сегмента, а развернутого, *длинного стиха*. Показательно, что произведение Кулаковского по своей метрической организации распадается на две части, метрически отмеченные. В первой из них – преобладает обильно оснащенный аллитерацией *длинный стих*, во второй части структура текста резко меняется как в сторону формального сокращения длины строк (*короткий стих*), так и в семантическом плане – появлении развернутого семантического поля, связанного с мотивом «дороги».

Именно в этой части текста суггестивность семантического плана создается за счет постепенного разворачивания целостного мотива «дороги»: «хорошая дорога», «плохая дорога», «горестная дорога», «дорога распрей (ссора)», «дорога одиночества (одинокого)». На одной плоскости сопрягаются «дорога» – «имя» – «судьба». «Дорога» перерастает в мотив «судьбы», «обладания именем» («имеющий имя»). Мотив «разных» дорог перерастает в символику судьбы человека. Символический пласт второй части возникает как семантическая трансформация мифологической основы традиционного жанра, его скрытого мифологического смысла и ритуального подтекста. Появление в литературном тексте развернутого, сквозного мотива «дороги» свидетельствует о тенденции к повествовательности, насколько это возможно для «малого» жанра, что также идет вразрез с нейтральностью и индифферентностью формул в устной традиции.

Процесс трансформации фольклорных жанров в ранней литературе свидетельствует о том, что произведения А. Е. Кулаковского, сознательно ориентированные на фольклорную основу и определенную жанровую модель, лишь весьма условно можно разграничить по жанровым признакам, прямо соотносимым с параметрами фольклорных жанров. А. Е. Кулаковский использует не старые жанровые формы, как принято считать, а посредством новых форм (в том числе неизвестных фольклору) воссоздает исконные жанры традиции. Литература раскрывает и усиливает то, что скрыто и не эксплицировано в самой устной традиции. Не являются исключением в этой связи и малые жанры фольклора.

Малые жанры, используемые в литературе, вписываются в общую, магистральную тенденцию литературного развития – иссушение песенной основы, мелодического начала традиции, развитие собственно речевых ориентиров, формирование стихотворности («*хоһоон*» – в широком понимании). В трансформируемых малых жанрах фольклора начинает усиливаться мифологическая составляющая, зачастую сменяемая поэтической функцией. Магическая и ритуальная обусловленность повторов начинает отселяться их собственно поэтической функцией. Одним из показателей этого процесса становится орнаментальный характер аллитерационных повторов. Понятие «малого объема» приобретает в литературе относительный характер, означая актуализацию начала и конца «короткого» нарратива, его композиционного завершения (подобно новелле или рассказу).

Список литературы

1. Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Знак, 2009. Т. V. Мифология и фольклор. 372 с.
2. Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994. 270 с.
3. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л.: Наука, 1980. 225 с.
4. Кулаковский А. Е. Ырыа-Хоһоон (Песни-Стихи). Якутск, 1978. 295 с.
5. Мелетинский Е. М. Малые жанры фольклора и проблемы жанровой эволюции в устной традиции // Малые формы фольклора: сборник памяти Г. Л. Пермякова. М.: Восточная литература, 1995. С. 325-337.
6. Покатилова Н. В. От устной традиции к письменной в ранней литературе. Новосибирск: Наука, 2010. 247 с.
7. Смирницкая О. А. «Речи Гриммира» на эддической сцене // От мифа к литературе: сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. М.: РГГУ, 1993. С. 257-274.
8. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.

THE TRANSFORMATION OF SMALL GENRES OF FOLKLORE IN LITERATURE

Pokatilova Nadezhda Volodarovna, Doctor in Philology, Professor
The Institute for Humanities Researches and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
pnv_ysu@mail.ru

The article deals with the ways of transformation of small genres of folklore in early literature. The works of the first Yakut poet A. E. Kulakovskii are analyzed. From the very beginning small genres are included in his texts on the principle of citation of another's speech. In this case the communicative orientation and the actualization of the speech plan of the present start disappearing. The poetic function connected with the usage of the underlying in them mythological meaning comes to take their place.

Key words and phrases: oral tradition; written tradition; early literature; small genres of folklore; transformation of folklore genres in literature; diachronic changes; poetic function.